

ЛЮБОВЬ ОРФЕЯ

ОГРОМНАЯ ПРОПАСТЬ ЛЕЖАЛА МЕЖДУ ЭСТЕТОМ И ТЕОРЕТИКОМ ИСКУССТВА, ПОЭТОМ И РОМАНСИСТОМ, ДРАМАТУРГОМ И РЕЖИССЕРОМ КОКТО И МАЛЬЧИКОМ-НЕДОУЧКОЙ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ШЕРБУРА ЖАНОМ МАРЭ. ОДНАКО УЖЕ В ИХ ПЕРВУЮ ВСТРЕЧУ ПРОИЗОШЛО НЕЧТО ОСОБЕННОЕ, ОСТАВИВШЕЕ СЛЕД НЕ ТОЛЬКО В ИХ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, НО И В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ.

Начало этой истории напоминает мелодию, первые ноты которой слышатся сразу, но кажутся обмалоченно знакомыми. Сорокалетний мэтр, режиссер, драматург, овеянный шумной (и весьма скандальной) славой, читает начинающему актеру новую пьесу. Вспоминает освещенную мягким, затененным светом комнату, где прихотливая фантазия хозяйки соединила иррегулярную лошадку и магический кристалл, эскизы, набросанные рукой Пикассо и китайскую опиюнную трубку, комнату, где бивает «весь Париж и куда стекаются все жизни». Представим, наконец, самого мэтра в белом мажорном калате и шелковом кашне, туго обмотанном вокруг шеи. Нервные усиленные пальцы пианиста, выходящие волосы — точно вспененный гребешь волны, тонкие глаза «печальной маркизы». Временами он напряженно всматривается в лицо слушателя. Но ни умудренный опытом поэт, ни юный дилетант пока не знают — то, что произойдет через минуту определит их жизни на долгие десятилетия и выйдет прекрасные полные поэзии страницы в историю культуры Франции.

... И вот он звучит этот неожиданный, страстный, дисгармоничный аккорд, подобный тем, что так любил друг хозяина Игорь Стравинский. Мэтр встает, подходит к актеру и произносит ошеломляющую фразу: «Это катастрофа! Я вас люблю!»

Через много лет бывший софист, став звездой мирового экрана, напишет книгу воспоминаний, где с поразительной искренностью воспринимает эту встречу: сомнения, обуревающие его в ту секунду, вспыхивание перед его взором блистательные возможности, и страх перед всемогущим режиссером, и маленькую ложь почти неслышного ответа на признание «Я тоже...». Ложь, которой очень скоро суждено было стать правдой.

Нет сегодня любителей кино, кто бы не знал Жана Марэ — Марэ, рыцаря из средневековых легенд, Марэ-кавалера времен Людовика XIV, Марэ — «мученик чьей-то мечты», «Белых ночей» или «Жакометты». Но далеко не все знают его духовного наставника, человека, в полном смысле слова создавшего его и как личность, и как актера — Жана Кокто.

Легенда Парижа — поэт и романтик, автор афоризмов и теоретик искусства, драматург и постановщик — ко всем этим талантам в придачу Кокто обладал еще одним, не менее редким: он с зоркостью педагога видел молодые дарования и отечески пестовал их. Он первым

Ж. Кокто и Ж. Марэ — Пятиклассник и его товарище

открыл литературный дар рано ушедших Раймона Радиге и Жана Дебора, «при жизни отдал им те блистательные повести, которые мир увидел им после смерти». Он сформировал кружок начинающих музыкантов, так называемую «шестерку» — и они составили цвет французской музыки нынешнего столетия. Однако при встрече с Марэ произошло нечто особенное. Так писатель встречается с давно искомым персонажем, поэт находит ритму, а музыкант — редкостный инструмент, который один только и может передать томящие его звуки. Давно мальчишьям за строками стихов и романов Кокто образ юного фантазера, романтика, «ужасного ребенка», капризного, разногого, но и мужественного и

Ж. Кокто и Ж. Марэ — Пятиклассник и его товарище

душевно талантливого, способного на глубокое чувство, на поэзию, обрел свое живое воплощение. Заброской вешностью юного греческого бота, Кокто разгадал душу странствующего рыцаря. Именно поэтому позднее Марэ так естественно «вписывается» в мир его произведений.

И в то же время огромная пропасть лежала между эстетом Кокто и мальчиком из Шербура, матко говоря не отягощенным образованием. Ни знаний, ни особых профессиональных навыков у Марэ не было. И Кокто словно Пикассолом чувствует неутомимую работу над словом «статуей». Начнет с простейшего: авалать, названий из мировой литературы: «Красное и черное», «Война и мир», «Идиот», «Блеск и нищета куртизанок», «Метерлинк», Оскар Уайльд, Элгар По, Томас Манн и др. — так откроется перед Марэ сокровища мировой литературы. Профессиональный художник, Кокто заметит у юного неординарные способности к рисованию и заставит упорно заниматься живописью. Блистательный зрелый, он научит его путешествовать по историческим эпохам, свободно чувствовать себя и в рыцарских датах, и в вычурном камзоле рококо, и в римской тоге. Кокто поведет своему «Жанно» стихи и поэмы — они войдут в классику французской лирики, напишет для него пьесы и сценарии, возведет на Олимп славы. Но главное, Кокто поддержит в нем лучшие природные задатки — благородство, мужество, щедрость души, которые так будут пленять публику в его ролях. «Он родился красивцем от красивой матери, — напишет поэт, — Ему требовалась соответствующая душа, чтобы носить этот прекрасный костюм». Жан и Жанно будут разделять триумфы общих театральных и кинематографических побед и глумление молвы. Она не оставит их друг без ни на минуту. Но это все впереди...

А в год их встречи, 1937-й, радостная атмосфера раздвоенных чувств подстегивает обоих к творчеству, а истовая работа помогает пережить горечь обид. В удивительном мюзикле Монтаржи всего за восемь дней Кокто пишет для Марэ и актрисы Ивонны де Брай «Трудных родителей», где под маской бульварной пьесы прячется искаженное страданием и страстью лицо греческой трагедии. По ходу он «примерирует» на Марэ образ главного героя, Мишеля, — впрочем, да, — придавая свои черты своего друга... В этом спектакле Марэ через несколько месяцев завоевывает парижскую сцену, а сама пьеса впоследствии — сцены всего мира.

Все мастерство профессионала, всю хитрость стратега, закаленного в многолетнем единоробстве с публикой, употребляет Кокто, чтобы упрочить славу своего ученика не только в театре, но и в кино. В 1942 году он создает сценарий «Вечное возвращение», где его постоянная тема любви и смерти, слепленных воедино, облечена в форму современной легенды о Тристане и Изольде. Кокто действует наверняка — сценарий перелан только отличному мастеру, но и давнишнему другу, чужко чувствующему стиль автора, Жану Делану. Вместе с ним словом как колулет поэт над своим кинематографическим «зельем»... Старинный замок, снег,

«Красавица и чудовище»: сказка и романтический драма

ныс вершины, бушующее холодное море, вспышки молний. Загораживающая пластами героев — Патриса (Марэ) и Натали (Мадлен Солонэ), столь красивых и одинаково злодейскими, что кажутся не только возлюбленными, но и братьями и сестрой... И вот это «зелье», приправленное чарующей музыкой Жоржа Орика, героево. Французская публика, унетенная стыдом оккупации, тяготами военного быта, с отчаянием припадает к этому «напитуку», замешанному на молодости, красоте и вере в бессмертие чувства... и влюбляется в картину так же безоглядно, как Патрис и Натали, пригубившие колдовской напиток. Марэ становится по-настоящему знаменит. В мюлет выкатит жаккардовские свителеские картины, снимая в 1947 году «Красавица и чудовище» (французский вариант «Аленького цветочка»). Оба они фанатики работы, не знающие усталости, не оставляя «эвонно» изнеженности. Грим Зверя, в которого должен перевоплотиться Марэ, занимает более пяти часов, маска (устрашающий шедевр знаменитого французского пастижера) наклеивается на лицо. Еще более мучителен процесс разгримировки, когда

Иа мира легенды поэт и актер увлекают зрителей в страну сказки, снимаи в 1947 году «Красавица и чудовище» (французский вариант «Аленького цветочка»). Оба они фанатики работы, не знающие усталости, не оставляя «эвонно» изнеженности. Грим Зверя, в которого должен перевоплотиться Марэ, занимает более пяти часов, маска (устрашающий шедевр знаменитого французского пастижера) наклеивается на лицо. Еще более мучителен процесс разгримировки, когда

«Красавица и чудовище»: сказка и романтический драма

Жан на фильме «Орфей» — главного флага и авана Кокто и Марэ

маску приходится буквально спирать с кожи (Лоренс Оливье, кстати, заметил, что никогда бы не согласился на подобную пытку). У самого Кокто, не уходящего со съемочной площадки, постоянно разглагольствует страшная кожная инфекция... Он ведет работу, скрываясь под черным забралом и не может браться. Тем не менее, преодолевая боль, шутит, обращаясь к Марэ: «Видишь, Бог справедлив, он наказал меня за те мучения, на которые я тебя обрек. Теперь я тоже покрыт шерстью...»

«Красавица и чудовище» имела шумный зрительский успех. Но и эта сказка, и романтический драма «Двуязывный орел» (1948) были всего лишь «репетициями» перед главным фильмом в биографии Кокто, — «Орфей» (1949) где Марэ сыграл, без сомнения, свою лучшую роль в кино. Нет, не любовью к земной Зиринде влеком был Орфей в кинопоэме Кокто. Его манят загадки бытия, таинственное «зазеркалье». А роковая любовь, вернее, непродолимо взаимное тяготение,

навегда свяжет его со Смертью, олицетворенной в образе прекрасной женщины. Ради Орфея, Смерть услышится вопль божества и отпустит избранника из потустороннего мира. Ибо судьба поэта — возродиться и жить силой своего таланта и вехах. Жан Марэ, Мария Казарес, Франсуа Перье, Мария Деа — все созвездие исполнителей с поразительной точностью и точностью воссоздал в «Орфею» мир чувственных, загадочных предощущений, строгой законченности поэтической мысли Кокто. Он мог быть счастливым...

...Трагедия разрыла не было. И дата его поэтому не важна. Пути Кокто и Марэ разошлись так же — как их персонажи, движущиеся навстречу друг другу в послеземной картине режиссера «Завещание Орфея» (1959). Орфей сам себя убил, а Кокто, или тот, кто сыграл, а без грима, в своей рабочей куртке с засученными манжетами проществовал среди журы своих же коллегамий, мимо друзей и персонажей, среди которых был и ослепленный, безомный Эзип-Марэ. Пересказывая грустный афоризм поэта, волна, которая уносила от него все самое дорогое, унесла и его друга. Они продолжали переписываться, ценили советы друг друга, были в курсе новых увлечений каждого. Иногда больший, старший поэт гости в доме Марэ в Марии-Луизе Кокетт. И лишь однажды, незадолго до смерти, Кокто не выдержал избранного им тона благодарственной дружбы... После одного из визитов к нему актера, Марэ получил письмо: «Мой Жанно! После твоего отъезда я пережил ужасный приступ грусти и одиночества. Видеть твой отъезд для меня все равно что падать в пропасть, когда ты падаешь в другую... И я спрашиваю себя, могут ли эти тяжелые проблемы быть решены в эпохи беспорядка и жестокости?... Ты забыл свои меховые перчатки. Я взял их наверх в свою комнату и целовал со слезами в горле... Обнимаю тебя изо всех моих слабых сил. Жан».

Кокто умер 11 октября 1963 года. Марэ провел бессонную ночь у смертного ложа, которое украсила Орден Почетного Легиона, шапка бессмертного Члена Французской Академии и несколько алмазов руб, брошенных на голубое покрывало. Ночь, полную воспоминаний, размышлений и слез. По желанию поэта на могильном камне были выбиты слова «Я начинаю...»

...Будучи «учеником чародея», Марэ уславдал от своего наставника поразительную разносторонность дарований и интересов: не только играл в театре и кино, но рисовал картины, создавал керамику и новые ароматы духов, издал книжку детских сказок. Разве что стихов не писал. Впрочем, чем не стихи, эти строки о руках Кокто: «Твои руки известны для любви и дружбы. Твои руки созданы из мягкости и благородства, из грусти и легантности. Это руки внимательного рабочего, гениального ремесленника. Гибкие, ловкие, таинственные, неразгаданные и ясные. Это руки поэта и благородного гения. Они коснулись меня в 1937 году, и я родился. Более чем своим родителями я обязан тебе своим рождением».

Но и завершить эту историю следовало бы неосозданным «каждором». В том же 1963 году Марэ уславдал цингского мальчика, Сержа, да ему образование, благосостояние, одарила поэтике сказочными возможностями. Любовь Орфей, как не было прекрасное в этом мире, возмущается вечно.